

Андрей ПУЧКОВ

Родился в 1963 году в посёлке Хандальске Красноярского края. После демобилизации из Советской армии служил в МВД в должности оперуполномоченного уголовного розыска. В 2006-м вышел в отставку.

Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Север», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Енисей», «Сура», «Аргатак», «Гостиная» (США) и других, а также в коллективных сборниках и альманахах.

Живёт в г. Сосновоборске Красноярского края.

КРОВЬ И КРАПИВА

Деревня выглядела вымершей. Тишина стояла ненормальная, и это напрягало меня. Очень напрягало. Даже петухов не слышно! То ли съели всех, то ли они, несмотря на дурость, сами попрятались от греха по-дальше. За четыре года войны я привык к постоянному грохоту, и если он прекращался, жди беды. Значит, фрицы что-то удумали!

Я опустил бинокль и задумался. Эта деревня и на деревню-то не похожа. Этакий городок в миниатюре, где маленькие домики идеально ровно выстроились вдоль дороги. Возле каждого палисадничек с оградкой высотой до колена, через жёрдочки которой перевешивается давно не кошенная сухая трава. Да и сами дома без присмотра, как оспой покрылись пятнами от обвалившейся краски. Некому следить за их внешним видом – война сказалась. Невозможно от войны уберечься, отойти в сторонку и переждать. Везде она достанет и возьмёт своё, столько, сколько ей потребуется.

Название у деревушки странное – Winnensee, или, если по-нашему, – Озеро. Странное в том смысле, что ближайший водоём, согласно карте, находился от неё в двадцати километрах. И то небольшая речка. Непонятно, при чём тут озеро?

Но самыми необычными мне казались заасфальтированные улицы. Ладно бы одна такая деревня была. Нет же, много таких, кукольных и аккуратных. Не первый день на германской земле воюем, успел уже кое-что посмотреть и сравнить. Наши «мягкие» деревенские дороги явно проигрывали германским. Но я бы сейчас многое отдал за то, чтобы скинуть сапоги и босыми ногами ступить на разбухшую после дождя пашню. Почувствовать, как при каждом шаге между пальцами ног протискиваются жирные, чёрные червяки чернозёма, увидеть, как под солнцем парит земля, дышит...

– Почему вперёд не идём? Почему застряли здесь? – подошёл ко мне замполит батальона капитан Рябов и, оглянувшись на укрывшихся за деревьями бойцов, повторил:

– Почему вперёд не идём? Ждём чего?

– Не нравится мне здесь, товарищ капитан! Тихо уж больно...

– Да плевать я хотел на твою тишину, – выверился вдруг капитан, – командуй взводу вперёд! Какого чёрта тебе ещё надо?!

Я посмотрел в узкое, покрывшееся красными пятнами лицо замполита и отвернулся, встретившись с ним взглядом.

Невозможно выдержать его взгляд – глаза мёртвые, тёмные провалы, и всё, жизни ноль. Сам вроде психует, а глаза без эмоций. Я знаю своих бойцов, некоторые из них со мной с самого начала войны. Научился уже определять состояние человека и чего от него ожидать. Чего ждать от капитана в его нынешнем состоянии – непонятно.

Срываться он начал год назад, когда узнал, что его семья погибла под авиабомбой. Вся! Одним махом. Родители, жена, двое сыновей. Он стал нервным, психованным, часто повышал голос, и его руки стали заметно подрагивать. Он знал об этом и прятал их за спину.

– Подождём ещё, понаблюдаем, послушаем, – как можно спокойнее ответил я, мельком глянул в лицо замполиту и, не давая ему возразить, настоял: – Ещё надо подождать, на всякий случай, а потом и зайдём. С двух сторон зайдём...

– И так видно, что немцев в деревне нет! – рыкнул капитан, зло сплюнул и сел на землю, привалившись спиной к дереву.

– В этой деревне все немцы, – пробормотал я и поднёс к глазам бинокль.

Замполит оказался привязанным к моему взводу случайно. Можно сказать, оказался не в том месте и не в то время. Может, и наоборот, именно с нами он и должен оказаться, кто знает? У каждого своя судьба.

Наш полк получил приказ окружить небольшой городок, в котором, по данным разведки, укрылось полторы сотни фрицев. Сложностей не предвиделось, враг якобы находился в состоянии, близком к панике, и готов сложить оружие. Поэтому замполит и обходил вверенные его политической заботе подразделения.

Разведка опростоволосилась. Но, как я подозреваю, никто глубоко не копал. Не то это место, чтобы тратить на него время и силы. Так, прошлись поверхностно, обнаружили наличие войск, решили, что одного полка будет более чем достаточно, и откомандировали нас на зачистку. Немалую роль сыграло то, что война уже неделю как закончилась, и фрицы понимали, что обречены.

Получили мы конкретно. Из города, прямо с улиц, по нам ударили из пушек, укрытых за дощатыми щитами. Смотрели издали – домик как домик, а потом щиты упали, и началось!.. Когда у них закончился боезапас, на прорыв при поддержке нескольких «тигров» ломанулись хорошо вооружённые и не помышлявшие о капитуляции эсэсовцы.

Удар пришёлся в аккурат между позициями двух взводов, и мне, чтобы сохранить людей, пришлось отвести свой взвод в сторону. Благо, что сразу после этого пришёл приказ не пытаться фрицев удержать, а выпустить из кольца и дать уйти. Мол, чёрт с ними, потом добьём, куда они не денутся. Слава богу, научились уже людей беречь, не то что, помнится, в начале войны.

Фашистов оказалось на удивление много. Чем шире становился клин, тем дальше приходилось отводить взвод, в котором волею войны оказался и замполит батальона, прибывший с разъяснением текущей обстановки.

Обойти эту деревню стороной я не мог, а ну как в ней войска окажутся? Ударят в тыл – беда будет, откатились мы недалеко, километров на пять, не больше.

Пора. Аккуратно уложив бинокль в футляр, я оглянулся и, зная, что сержант обязательно где-то рядом, негромко позвал:

– Семашко!..

– Я, товарищ старший лейтенант! – высунулся из-за соседней сосны командир первого отделения и, оглянувшись, поправил сбившуюся на затылок пилотку.

– Вместе с отделением поступаешь в распоряжение капитана. Обойдёте посёлок лесом и пощупаете, что там с другой стороны. На рожон не лезьте, действуйте аккуратно и тихо, если что – сразу отходите!

– Ясно! – кивнул сержант и посмотрел на сидящего под деревом замполита. Тот, словно не слыша нашего разговора, отрешённо глядел перед собой и рвал траву. Захватывал пальцами по несколько травинок, отрывал их и бросал, и так раз за разом – отрывал и бросал, отрывал и бросал.

– Товарищ капитан! – повысил я голос. – Вы как, остаётесь со мной или с отделением идёте?

Тот молча поднялся, отряхнул руки, одёрнул гимнастёрку и привычным движением поправил выдавшую виды фуражку с помятым козырьком.

– С отделением, – ответил он и, не оглядываясь на потянувшихся следом бойцов, скорым шагом направился в лес.

– Приглядывай там за ним, – понизив голос, попросил я сержанта, – не нравится мне его состояние, как бы под пули специально не полез!

Сержант кивнул, перебрал автомат с груди на спину и побежал за мельтешившим между деревьями замполитом.

Я посмотрел им вслед и вздохнул. Капитан – смелый воин, в тылах не отсиживался, за спины солдат не прятался. Не один раз бойцов в атаку поднимал. Не зря же на его гимнастёрке красуются орден Красной звезды и медаль «За отвагу». Да и к бойцам он относится по-человечески. Свой командирский паёк сам никогда не получал, распоряжался, чтобы его сразу передавали в окопы.

Война уничтожает людей. Не только жизни забирает, но и выжигает души, обугливаются они, перестают жизнь чувствовать. Умирают. Так посмотришь, вроде человек как человек – ест, пьёт, спит – всё как обычно. Приглядишься повнимательней – понимаешь, выгорел человек, ушёл из нашей жизни, чужим стал.

Подождав ещё минут тридцать, я обернулся к бойцам и негромко скомандовал:

– Вперёд!..

* * *

Мы уже минут сорок шерстили деревню. Заходили в каждый дом и осматривали его. Жителей на удивление оказалось много. Но взрослых мужчин пока не встречали, только женщины да дети со стариками. Они, как правило, собирались в одной комнате и с ужасом наблюдали за обыскивающими дом бойцами.

По всей вероятности, люди перебрались сюда из городов. Спасался народ от боёв, пришедших с войной и уничтожавших всё на своём пути, не разбирая, блиндаж это или жилой дом, казарма или школа.

Время шло, и я всё больше убеждался, что, кроме гражданских лиц, в деревне никого нет. Бойцы расслабились, перестали осторожничать и уже спокойно, не опасаясь нападения, ходили по улицам. В результате чего и нарвались.

В тишине, одеялом накрывшей деревню, одиночный выстрел прозвучал резко и хлётко. Шедший передо мной пожилой боец, которого называли по отчеству – Макарычем, схватился за плечо и резво скакнул в ближайший палисадник под прикрытие дома.

– В укрытие! Все с улицы! – заорал я и сиганул следом за ним. Макарыч, зажимая ладонью рану на левом плече, яростно матерился.

– Гриша! Давай сюда, – позвал я молодого, прибывшего с последним пополнением бойца, – помоги перевязаться деду и оставайся пока с ним, а мы посмотрим, кто это нам решил так нагадить.

Обернулся к бойцам, прижавшихся к стенам домов, и приказал:

– Никому не вылезать, пока со стрелком не разберёмся! – затем посмотрел на воевавшего со мной с самого начала ефрейтора Потепенко и спросил: – Сможешь узнать, откуда этот гад бьёт?

– Уже узнал, – перебравшись ко мне поближе, усмехнулся ефрейтор.

Он выглянул из-за угла дома и, быстро отпрянув, удовлетворённо кивнул:

– Ну точно, с чердака лупит! С соседней улицы. В аккурат между двух домов ему дед и попался. Он, кстати, как дурак в чердачном окошке маячит... можно снять.

– Желательно бы живым взять. По возможности, конечно, – не согласился я, – язык в нашем положении не помешает, а то ничего об окружающей обстановке не знаем. Но не геройствуйте там... чуть что, валите его к чертям!

Ефрейтор кивнул, прихватил трёх бойцов и, обогнув дом, за которым мы укрылись, скрылся во дворе.

Как только бойцы ушли, я надел на ствол автомата каску и высунул её за угол дома. Этого чёрта надо отвлечь, чтобы он занялся делом и не думал о собственных тылах.

Выстрел раздался почти сразу, но стрелок в каску не попал. Я спрятал приманку и через несколько секунд выдвинул её уже пониже. Выстрел. Опять мимо. Хотя в угол дома он всё же зарядил. Каску прятать не стал и, дождавшись очередного безрезультатного выстрела, выглянул уже сам.

Стрелок находился именно там, где и говорил ефрейтор. Он поидиотски высунул ствол винтовки из слухового окна и с азартом, достойным лучшего применения, пытался пристрелить хоть кого-нибудь. Странно, он и в дом-то не всегда попадает. Как он вообще умудрился Макарыча зацепить? Случайно, что ли? Очень на то похоже.

Недоделанный снайпер успел выстрелить ещё три раза. Потом, после непродолжительного затишья, раздался условный свист. Мы с бойцами, соблюдая максимальную осторожность, перебежали улицу и вломились во двор дома, из которого велась стрельба.

Снайпер действительно оказался недоделанный. Вернее, не снайпер и даже не военный. Пацан лет тринадцати-четырнадцати. Одет, как и большинство уже виденных мной детей, с чужого плеча. Этому достался явно не по росту тёмно-коричневый пиджак, рукава которого не доходили ему до запястий. Под пиджаком замызганная светлая рубашка с оторванным наполовину воротом. Штаны в тон пиджаку и тоже

короткие. Завершали наряд растоптанные тупоносые ботинки, даже с первого взгляда выглядевшие слишком большими.

Лохматый, весь в пыли и паутине, он стоял с низко опущенной головой и, время от времени шмыгая носом, размазывал грязь по чумазому лицу. Он боялся, очень боялся. От страха у него тряслись руки, колени, голова, всё тело ходило ходуном.

– Полюбуйся на стрелка, командир! – засмеялся Потапенко. – Это ж надо! Фрицы нашему деду за четыре года не смогли ни единой от-метины оставить, а этот щенок после окончания войны его умудрился подстрелить!

– А чего он весь такой разодранный? – поинтересовался я, налюбовавшись на мальчишку. – Неужели ещё и сопротивлялся?

– Да не! Это он, товарищ старший лейтенант, сбежать хотел, – хмыкнул один из бойцов, сопровождавший Потапенко, – а я его за ворот и сцапал.

– Так, посадите его куда-нибудь, что ли, – попросил Макарыч и, ткнув пальцем в скамейку, стоящую возле стены дома, добавил: – Вона на лавку пушай сядет, а то я смотрю, у него головёнка от страха так трясётся, что того и гляди отвалится!

– Крикните сюда Сёму, – распорядился я, – он у нас один более-мнее шпрехаёт. Пускай поспрашивает этого вояку, какого рожна он за винтовку схватился? И есть ли здесь ещё такие же ненормальные детки вроде него?

Но поговорить с мальчишкой сразу не получилось. Не успел Семён задать первый вопрос, как от калитки, ведущей во двор, раздался над-рывный женский крик:

– Найн! Найн! – и через столпившихся во дворе бойцов к пацану на-чала пробиваться молодая женщина. Её задержали, и тогда она, захлё-бываясь слезами, начала что-то быстро говорить, обращаясь почему-то к Макарычу.

– Семён, узнай, кто это и что ей здесь надо?

– Это его мамаша, товарищ старший лейтенант, говорит, что её сын ещё маленький, не ведаёт, что творит, и что мы не имеем права убивать детей.

– Не вам, дамочка, указывать нам, на что мы имеем право, а на что нет! – рявкнул я и спросил у Семёна: – Перевёл?

Дождавшись утвердительного кивка солдата, подошёл почти вплот-ную к немке и, уставившись ей в глаза, понизив голос, медленно проговорил:

– После того, что вы вытворяли на нашей земле, вам лучше помолчать!

Женщина в ужасе уставилась на меня, зажала рот ладошками и ча-сто-часто закивала, словно несущка над рассыпанным пшеном.

Когда я отвернулся, она сдавленным голосом быстро начала что-то лопотать.

– Что она там? – спросил я и опять посмотрел на немку.

– Просит прощения за сына... ещё говорит, что согласна на всё, лишь бы мы не убивали её ребёнка.

– Это хорошо, конечно, что она прощения просит. Спроси-ка у него, зачем он стрелял в наших солдат и даже ранил одного?

Семён спросил. Но мальчишка как воды в рот набрал. Тогда женщи-на начала ему что-то торопливо говорить. Я посмотрел на Семёна.

– Уговаривает, – пожал тот плечами, – просит сына не злить русских ещё больше.

То ли уговоры матери подействовали, то ли немного успокоился, поняв, что его не убьют, – пацан заговорил. Тихо, запинаясь, не поднимая головы, рассказал, что винтовку и патроны ему дал староста. Он же сказал, что если нас не остановить, то мы убьём всех, а маленьких детей съедим, так как все русские солдаты звери и питаются детским мясом.

Семён вдруг усмехнулся и, глянув на женщину, спросил, обращаясь к Макарычу:

– Ну что, дед, не проголодался случайно? А то он просит, чтобы мы не ели его младшую сестрёнку, любит он её очень, хочет, чтобы жила.

– Свят дух по земли! – выругался Макарыч и в сердцах сплюнул. – Это что же такое творится-то, товарищи дорогие! Да как же эти страсти придумать-то можно? Как это назвать-то? – и он, вытаращив глаза, уставился на опять перепугавшегося мальчишку.

– А это, Макарыч, называется фашистской пропагандой, – ответил я и спросил:

– Что с этим хулиганом-то делать будем? Без наказания такие выкрутасы оставлять никак нельзя.

– Что делать, что делать... – пробормотал, успокаиваясь, Макарыч, – не стрелять же его в самом-то деле! – и, повысив голос, предложил: – Портки вон спустить да по голому заду крапивой отходить! Чтобы впредь неповадно было!.. Нас всегда так уму разуму учили.

Он осмотрелся и озабоченно протянул:

– Да-а-а, други мои, крапивка у них здесь чудосочная, с нашей ей никак не тягаться, но если умеючи, то и эта сойдёт.

И, оглянувшись на столпившихся вокруг бойцов, попросил:

– Хлопцы, притащите-ка мне крапивы, эвон под забором, гляжу, выросла.

Я пожал плечами. Это, конечно, не метод Макаренко, но через зад действительно лучше и быстрее доходит. И запоминается подольше. На собственной шкуре испытывал не раз! Не всегда взрослым был.

– Давайте, ребята! – разрешил я. – Раз пять ему по заднему месту крапивой пройдитесь да отдайте мамке. Кстати, Семё, – спохватился я, – ты мамаше-то скажи, что мы её сына есть не собираемся, а то увидит, как с него штаны снимают, подумает невесть что.

Пацан взвизгнул, когда его подхватили несколько рук и, сдёрнув штаны, положили животом на лавку. Макарыч решил наказать мальчишку сам. Поморщившись от боли в раненой руке, он неторопливо выбрал самые достойные, по его мнению, крапивины и со знанием дела примерившись, стегнул подростка по ягодицам первый раз. Сначала мальчишка ойкнул, а когда на коже проступила розовая, с каждой секундой наливающаяся малиновым цветом полоса, заверещал. Макарыч удовлетворённо крикнул и приложился крапивой к заднему месту пацана ещё раз. Потом горе-воин завывал уже не переставая, пока Макарыч трудился над его задним местом под смешки бойцов, ведущих хором отсчёт.

– Ну вот и лады, – удовлетворённо выдохнул Макарыч и со словами: – Всё, проваливай отседава, – согнал ревущего мальчишку с лавки.

Он шустро вскочил и, придерживая штаны обеими руками, посеменял к матери. Та, всплеснув руками, обняла его за плечи и, оглядываясь на нас, торопливо повела сына к калитке, по пути что-то выговаривая

ему на ухо. Макарыч постоял, задумчиво глядя им вслед, а потом с удовольствием уселся на лавку сам.

С удобствами отдыхал он недолго. Едва за мамашей с сыном закрылась калитка, как вдалеке раздались автоматные очереди.

– В конце деревни стреляют! – уверенно сказал Потапенко и, подняв вверх указательный палец, прислушался. – Там как раз ихняя церковь находится. Я её, товарищ старший лейтенант, заприметил, когда мы с чердака этого детёныша выковыривали.

– Далеко до неё?

– Да не, недалече! Надо тока на другую улицу перебраться, – махнул рукой ефрейтор и, направившись к калитке, крикнул: – Давайте за мной!

Через небольшой переулок вышли на соседнюю улицу. Привычно прижимаясь к домам, пригнувшись, побежали в сторону не на шутку разгоравшейся стрельбы.

Кирха, обнесённая невысоким заборчиком, находилась на небольшой площади, в которую упирались три деревенские улицы.

Я уже видел её остроконечную верхушку, когда громыхнули два гранатных взрыва, и стрельба прекратилась.

– На площадь никому не высовываться! – приказал я, осторожно выглядывая из-за угла дома, стоящего напротив церкви.

Перед дверями кирхи полукругом лежали мешки, из которых через многочисленные пробоины тонкими струйками высыпался песок. За мешками находились мои бойцы, ушедшие с майором. Часть из них, осматриваясь, выглядывала из-за баррикады, а трое топтались возле дверей кирхи.

– Свои! Не стрелять! – заорал я и, подняв руки, вышел из-за дома.

– Давайте быстрее сюда! – закричал один из бойцов и махнул рукой, поторапливая.

– Что тут у вас? С эсэсовцами, что ли, сцепились? – кивнул я в сторону тела, одетого в чёрную форму, облепленную опознавательными знаками войск СС.

– С ними, с тварями! – выругался Семашко и, ткнув пальцем в труп, добавил: – Их четверо было. Если без гранат, то до сих пор, наверное, возились бы. Умеют воевать, сволочи!

– Все целы? Капитан где?.. – спросил я, осматриваясь.

– Все!.. А капитан там, в госпитале, – кивнул сержант в стороны кирхи.

– Это госпиталь у них был, что ли?

– Почему был? – удивился Семашко. – Он и сейчас есть, я там раненых видел.

– А капитан...

– Там он... внутри, – пожал сержант плечами. – Один из фрицев раненый внутрь заполз, замполит зашёл следом и... в общем, добил немца. Потом подобрал его автомат, приказал нам всем выйти и закрылся изнутри.

В это время из кирхи раздалась короткая очередь.

– Твою ж мать, капитан! Что же ты творишь-то!.. – выругался я и скомандовал: – Потапенко, надо двери открыть, навалитесь-ка толпой на неё, а то политрук со злости наделает делов!..

Бойцы навалились на двери впятером, но та не поддавалась. Дверное полотно добротное, на совесть сработанное да ещё и обитое металлическими полосами.

– Отойдите все подальше! – скомандовал Потапенко и, отступив от двери, выпустил по замку длинную очередь из ПППШ.

Взвизгнули отрикошетившие пули, брызнула во все стороны щепы. Потапенко, перехватив поудобнее автомат, примерился и изо всех сил ударил в дверь ногой. Она распахнулась, и сразу же в глубине здания снова раздалась очередь, а следом ещё одна.

– Назад! – остановил я рванувшихся вперёд бойцов. – Чёрт его знает, что у него на уме!.. Сам пойду поговорю...

Изнутри кирха оказалась довольно просторной: лавки сдвинуты к стене, и всё освободившееся пространство занимали металлические кровати, между которыми валялись окровавленные простыни, одеяла, бинты и какие-то тряпки. Сразу видно, что помещение покидалось в спешке и о соблюдении порядка никто не думал.

Я остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку и, услышав за спиной шаги, обернулся. С десятков бойцов во главе с Семашко стояли за моей спиной. Я махнул рукой: «Чёрт с вами, оставайтесь», – и медленно направился к стоящему возле кроватей замполиту.

Успел сделать с десятков шагов, когда он неторопливо поднял автомат и, прежде чем я успел закричать, выстрелил короткой, на несколько патронов, очередью.

– Капитан!.. Отставить!.. Прекратить!.. – всё-таки заорал я и рванул к нему.

Тот, не обращая на меня внимания, спокойно прицелился в лежащего на кровати человека и опять дал короткую очередь. Я остановился за его спиной и прошептал:

– Что же ты натворил, капитан...

Замполит бросил автомат на пол, повернулся ко мне и засмеялся.

– Всё!.. Этот последний, – подойдя ко мне, сказал Семашко, – ше-стеро их оставалось, лежачих, я успел сосчитать, прежде чем капитан приказал выйти.

Замполит уже не смеялся, он стоял, подняв голову вверх, и улыбался. Губы его шевелились, словно он с кем-то разговаривал.

– Товарищ капитан! – окликнул я его, но он не ответил. Он вообще никого не замечал. Мне показалось, что капитан чего-то ждёт, вглядываясь в высокий потолок кирхи.

Обойдя меня и Семашко, к замполиту подошёл Гриша, поднял автомат, и навёл его в грудь капитану. То, что последует дальше, ясно как день. Я мог его удержать, успел бы!.. Но не стал.

Дёрнулся, басовито рыкнув очередью, автомат в руках бойца. Капитан, сделав назад два маленьких шага, словно его сильно толкнули в грудь, раскинул руки и упал на спину. Он так и смотрел вверх, улыбаясь, когда подошёл Макарыч, кряхтя опустился рядом на колени и, проведя ладонью по лицу, закрыл ему глаза.

– Зачем?.. – посмотрел я на Гришу.

– Я видел, как убивают раненых... – хриплым шёпотом ответил парень. – Видел... Ещё тогда, в самом начале... Я помогал в госпитале. Фашисты шли вдоль кроватей и стреляли в раненых... шли и убивали... спокойно, не торопясь. Я слышал их голоса, видел их лица. Фашисты... Они не должны жить... Я под кроватью спрятался... меня не увидели... Капитан убил раненых... Он не должен жить.

Вот так вот. Что можно на это ответить? Ничего!

Не я один не остановил парня. Бойцы его тоже не удерживали, хотя и видели, что он собирается сделать. Значит, они думают так же: «Фа-

писты убивают раненых. Если ты убил раненых, значит, стал таким же, как и они. Поэтому не должен ходить по этой земле».

Всё правильно. Логика простая и прямая, как штык. В ней нет места для закоулков, в которые можно забрести и, устроившись в удобном кресле, поговорить, порассуждать о бытии да поспорить о правых и виноватых. Штык быстро и качественно всё расставляет по своим местам.

– Семашко! – обратился я к сержанту. – С капитана надо снять форму, тело вынесем за деревню и похороним в лесу. Форму, документы и планшет политрука сжечь. Да, ещё, чуть не забыл! – спохватился я, когда сержант с двумя бойцами направились к телу замполита. – Убитого фрица подтащите к кроватям и положите рядом с ним автомат, из которого капитан стрелял.

За кирхой сложили костёр из разломанных заборных штакетин, и я, присев рядом на корточки, наблюдал, как пламя жадно заглатывает вещи, когда-то принадлежащие хорошему человеку. Смелому воину. Любящему мужу и отцу. Человеку, отдавшему этой войне всё! Даже собственную душу!..

– Товарищ старший лейтенант! Всё сделали. Получается так, что этот ээсовец вроде как сам своих раненых перед смертью перебил. Можем выступать, – доложил старшина и, понизив голос, спросил:

– Вы что-нибудь скажете перед выходом?

– Обязательно скажу, сержант, но не сейчас, позже.

Тело капитана закопали в километре от деревни, в небольшом леске. Перед тем как двинуться дальше, я построил взвод и предложил почтить память погибшего капитана Рябова. Никому из бойцов ничего объяснять не надо – все всё понимали. Вернись политрук с нами, его бы расстреляли за то, что он сделал, и в памяти он остался бы убийцей беззащитных людей. Он понёс за это наказание и умер.

Я уверен в своих бойцах, никто из них не проговорится, и капитана будут помнить как воина, погибшего на поле боя. Светлая ему память!